

1. Документы внешней политики СССР. Т. 3. Док. № 229, доп. 2. М.: Госполитздат, 1959.
2. Документы внешней политики СССР. Т. 3. Док. № 229. М.: Госполитздат, 1959.
3. Документы внешней политики СССР. Т. 3. Док. № 333. М.: Госполитздат, 1959.
4. Документы внешней политики СССР. Т. 4. Док. № 34. М.: Госполитздат, 1960.
5. Документы внешней политики СССР. Т. 4. Док. № 39. М.: Госполитздат, 1960.
6. Московский договор о дружбе и братстве между правительством РСФСР и Великим Национальным Собранием Турции. Ст. 1–2. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Госполитздат, 1959.
7. Фрунзе М. В. Избранные произведения: 1918–1925 гг. М.: Воениздат, 1957. Т. 1.
8. Хейфец А. Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М., 1964.
9. Хейфец А. Н., Советская дипломатия и народы Востока 1921–1927. М.: Наука, 1968.
10. Хейфец А. Н. «Нацаренус Чичерину, 30 августа 1921г.»: Советская дипломатия и народы Востока, 1921–1927. М.: Наука, 1968.
11. Aslan Y. Türkiye Komünist Fırkası'nın Kuruluşu ve Mustafa Suphi – Türkiye Komünistlerinin Rusya'da Teşkilatlanması (1918–1921) // Türk Tarih Kurumu. Ankara, 1997.
12. Atatürk'un Tamim, Telgraf ve Beyannameleri, Atatürk Kultur, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Atatürk Araştırma Merkezi. Ankara, 1991.
13. Cebesoy A. F. Moskova Hatıraları // Vatan Nesriyat. İstanbul, 1953.
14. Gokay B., Emperyalizm ile Bolsevizm Arasında Türkiye // Agora Kitaplığı. İstanbul, 2006.
15. Karabekir K. İstiklal Harbimiz, İstanbul, 1957.
16. Nur R. Moskova Sakarya Hatıraları // Bogazici Yay. İstanbul, 1993.
17. Nur R. Hayat ve Hatıralarım, İstanbul, 1968.
18. Yerasimos S. Türk-Sovyet İlişkileri, Ekim Devriminden Milli Mücadele'ye // Gözlem Yay. Birinci Baskı. İstanbul, 1979.

Статья поступила в редакцию 26.08.2010 г.

УДК 811.521

В. В. Рыбин

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются проблемы выделения согласных в составе мор. Анализ аллофонов и фонем дается на принципах Петербургской (Ленинградской) фонологической школы. Подробно анализируются палатализация, назализация и геминация согласных. Дается критика и обсуждение взглядов на эти проблемы.

Ключевые слова: мора, фонема, аллофон, согласные, гласные, слог, палатализация, назализация, геминация.

РЫБИН Виктор Викторович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японоведения Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (E-mail: rybinvic@hotmail.com).

© Рыбин В. В., 2010

Перед тем как перейти к описанию согласных фонем в японском языке напомним важное, как нам кажется, высказывание Вильгельма фон Гумбольта по поводу членения потока речи (безотносительно к какому-то конкретному языку) на отдельные звуки: «Звуки, образованные консонантным способом, произносятся только в сопровождении озвучивающего их потока воздуха... Разделение простого слога на гласный и согласный, если иметь в виду самостоятельные звуки, является искусственным» [4, 86].

Количественный состав согласных фонем в японском языке анализируется исследователями фонетики этого языка по-разному, в зависимости от избранного подхода. При том, что языковое сознание природных носителей японского языка, не оперирующих такими единицами, как одиночные согласные, все же лингвисты приходят к членению потока речи как на гласные сегменты, так и на согласные.

Итак, аналитический подход приводит лингвиста к выделению звуков (фонем), являющихся конститuentами мор в современном японском языке (СЯЯ). Однако перед фонетистами стоит «извечный вопрос», что считать фонемой, а что – аллофоном. В этой связи нельзя считать и окончательно решенной проблему японского консонантизма. По-разному исследователи трактуют палатализованные и непалатализованные согласные. Остается открытым вопрос о наличии или отсутствии гортанной смычки в анлаутной позиции или на стыке гласных, о назализации /g/ в интервокальной позиции и др. Важным является и определение статуса [Ф], [ts], [w], которые в стандартном японском языке некогда имели сугубо ограниченную сочетаемость с последующими гласными. У ряда согласных наблюдается «расширение комбинаторики»: встречается, например, непалатализованный /t/ перед /i/: paʔatiʔi «вечеринка» (от *англ.* party). Отмечается появление губно-зубного [β] в *vaiorin* «скрипка» (наряду с *baiorin*). Необходимо определиться с тем, чем являются согласные геминаты – отдельными фонемами или одной фонемой. Нельзя не упомянуть и тот факт, что разные авторы определяют количественно отличающиеся друг от друга системы согласных фонем в СЯЯ. Определение численности согласных у разных авторов (в зависимости от избранного ими подхода) отличается: от 14–18 – у Х. Киндайти [15, 71; 14, 10] и до почти 30 – у Н. А. Сыромятникова [7, 310].

Описывая типы тембровых корреляций согласных в различных языках мира, Н. С. Трубецкой отмечал: «Пожалуй, наиболее распространенной является к о р р е л я ц и я п а л а т а л и з а ц и и, то есть противоположение согласного с нейтральной окраской и согласного, имеющего i-образную (или j-образную) окраску» [8, 145–146].

Ряд японских лингвистов (Аманума [10, 78], Сирота [17, 35] и др.), а также практически все отечественные японисты-лингвисты выделяют палатализованные согласные, противопоставленные соответствующим твердым: [p] – [pʰ], [b] – [bʰ], [m] – [mʰ], [n] – [nʰ], [t] – [tʰ], [d] – [dʰ], [s] – [sʰ], [ts] – [tʃʰ], [dz] – [dʒʰ], [r] – [rʰ], [k] – [kʰ], [g] – [gʰ] [см., напр.: 9].

Другие же лингвисты (С. Каваками [12, 31] и др.), не выделяя палатализованные согласные, определяют их как сочетания согласного с последующим гласным с помощью «переходного й» или j, а в практической латинице передают

такие сочетания через у (игрек). Однако при этом почему-то авторы, придерживающиеся такой точки зрения, не прибегают к транскрипциям согласных в позиции перед узким переднеязычным [i] – например, таких как: [kji] или [kii]?

В. М. Алпатов справедливо указывает на развитую систему противопоставления твердых и мягких согласных и в русском и в японском языке, которого нет в английском языке. В этой связи американцы и англичане воспринимают японские мягкие как сочетания с йотом [1, 174].

Давая описание палатализации, Аманума делает оговорку о том, что существует взгляд на эту проблему, согласно которому есть два вида смягчения согласных: 1) непосредственное примыкание [j], [ʒ], [tʃ], [ɲ] к [a], [o] или [u]; 2) соединение согласных [k], [g], [h], [b], [p], [m], [r] с последующим гласным ([a], [o], [u]) через «вставной» звук [10, 90].

Можно предположить, что трактовка со вставным звуком связана с тем, что, как и в русском языке, мягкие согласные чаще длительнее соответствующих твердых [3, 61–63].

В литературе по японской фонетике отмечается, что краткие слоги (моры), содержащие мягкие согласные, произносятся приблизительно с той же длительностью, что и другие моры структуры CV [11, 71].

Нам представляется корректнее рассматривать наличие двух рядов согласных фонем в СЯЯ: твердых и мягких. Как будто интересные экспериментальные данные Х. Отака подтверждают именно такой подход. В недавней монографии этого автора рассматривается и проблема палатализации согласных в СЯЯ. Автором Отака было предложено десятирем носителям японского языка и десятирем англоговорящим испытуемым произносить серии из пяти слогов в разной последовательности в изохронном ритме. В позиции третьего слога были включены стимулы с мягкими согласными. Полученные результаты приведем в табл. 1, 2.

Таблица 1

**Средние длительности слогов (в мс) с твердыми
и мягкими начальными согласными в произнесении носителей японского языка**

ta	pa	ka	sa	ha	da	ba	ga
137	142	142	142	132	128	129	128
tja	pja	kja	sja	hja	dja	bja	gja
153	168	151	145	150	140	146	142

Таблица 2

**Средние длительности слогов (в мс) с твердыми
и мягкими начальными согласными в произнесении англоговорящих испытуемых**

ta	pa	ka	sa	ha	da	ba	ga
179	189	186	195	179	182	179	171
tja	pja	kja	ʃa	hja	dʒa	bja	gja
225	226	234	204	218	209	221	231

Сравнение статистических данных, приведенных в табл. 1, 2 по материалам [18, 54–55], как будто со всей очевидностью свидетельствуют о том, что краткие слоги структуры CV с мягкими согласными в начале слога имеют большую длительность по сравнению с теми слогами, в начальной позиции которых находятся твердые согласные. Даже самый краткий японский слог /tja/ на 24% длительнее соответствующего слога с твердым начальным /ga/. Длительности же соответствующих слогов в произнесении носителей английского языка еще больше, что, по-видимому, и свидетельствует о другой «технике артикуляции» у носителей различных языков и, скорее всего, как раз об использовании «вставного йота» англоговорящими в соответствующих случаях.

Резюмируя сказанное, отметим, что мы присоединяемся к взглядам отечественных японистов-лингвистов, признающих наличие в СЯЯ двух рядов согласных фонем, противопоставленных по твердости/мягкости. Количество согласных фонем естественно напрямую зависит от того, считают ли исследователи палатализацию непосредственным процессом или «через йот».

Проблема выделения глухих и звонких согласных в СЯЯ не относится к дискуссионным вопросам. По участию голоса при артикуляции согласных они подразделяются на звонкие: /b, b', d, d', g, g'/ и др. и глухие: /p, p', t, t', k, k'/ и др.

К противопоставлению по звонкости/глухости в СЯЯ имеет непосредственное отношение аффрикатизация, сопровождающая процесс «озвончения» ряда глухих согласных: [sa], [se], [so] ↔ [dza], [dze], [dzo]; [ji], [tʃi] ↔ [dʒi]; [su], [tsu] ↔ [dzu]. Следует попутно отметить, что в настоящее время часто встречается и «простое» озвончение, если соответствующая аффриката попадает в интервокальную позицию: [sudzuki] (имя собственное) → [suzuki]. Не без основания некоторые исследователи (К. Ооцубо и др.), считая /z/ фонемой, рассматривают [dz], [z], [dʒ], [ʒ] ее аллофонами [10, 78].

При исследовании японских согласных фонетисты сталкиваются с проблемами, имеющими непосредственную связь с исторической фонологией или с историческими чередованиями. В СЯЯ можно наблюдать чередования вроде: *h-b* как в *hana* «цветок» и *yamazakurabana* «цветы горной вишни», *F-b* – *Fune* «корабль» и *takarabune* «корабль сокровищ», *F-p* – *niF uN* «две минуты» и *naN puN* «сколько минут?», *h-p-b* – *nihon* «два (длинных круглых предмета)», *happoN* «восемь (длинных круглых предметов)» и *sanboN* «три (длинных круглых предмета)». Следует по ходу дела отметить, что сочетаемость *F*, традиционно встречавшегося только в позиции перед *u*, расширилась за счет инноваций, вызванных большим числом заимствований из европейских языков. В приведенных выше чередованиях наблюдаются явления не столько фонетического (фонологического) характера сколько морфонологического.

Аналогичным образом выглядит соотношение *s, s' (sh), z (dz), z' (dz'), t, d, ts, t' (ch)*. Ср., например: *tsuri* «ловля рыбы» + *sao* «шест» → *tsurizao* «удочка»; *hon* «книга» + *tana* «полка» → *hondana* «стеллаж» и т. д.

Из приведенных примеров видна морфонологическая связь приведенных звуковых соответствий, имеющая исторические корни и отраженная в японском силлабрии *годзюун* постановкой диакритических знаков *нигори* и *ханнигори*.

Нигори означает «замутнение», ближе по значению к «озвончению», а **ханнигори** – «полузамутнение», что больше соответствует «оглушению».

Постановка в правом верхнем углу литер из азбуки *кана* нигори (") «превращает» краткие слоги ХА, ХИ, ФУ, ХЭ, ХО, СА, ЦУ и др. в БА, БИ, БУ, БЭ, БО, ДЗА, ДЗУ. Появление ханнигори (°) при БА, БИ, БУ, ФУ и др. обозначает оглушение соответствующих сегментов: ПА, ПИ, ПУ и т. д.

К носовым (назальным) согласным в СЯЯ относятся следующие звуки: [m], [mʰ], [n], [nʰ], [ŋ], [ŋʰ], [ŋ̃]. Все эти согласные отличаются по месту артикуляции, но их объединяет то, что при произнесении воздушная струя проходит не через полость рта, а через носовую полость.

При артикуляции назальных согласных в СЯЯ как будто не наблюдается каких-то специфических особенностей по сравнению с аналогичными согласными в других языках. Однако в определенном смысле несколько особняком отстоит от других назальных конечнослоговой морообразующий [ŋ̃]. В большинстве работ его обозначают через N или H (Нь), которые символизируют все его аллофоны, реализующиеся в зависимости от контекста справа: [n] перед [r], [t], [d], [n]; [m] перед губными [p], [b], [m]; [ŋ] перед заднеязычными [k], [g], [ŋ] или как увулярный [ŋ̃] в конце слова (перед паузой), в середине слова перед гласными, а также перед [s], [ʃ], [w], [j].

Попутно следует напомнить, что этот увулярный (основной) аллофон в некоторых случаях почти «исчезает», оставляя неизменной морфо-ритмическую структуру фонетического слова и добавляя сильную назализацию предшествующему гласному: [gẽ(ŋ)ĩ(ŋ)].

Что же касается [ŋ] и [ŋʰ], то по отношению к ним необходимо обсудить вопрос об их фонемной самостоятельности. В учебных пособиях и орфоэпических словарях, предназначенных в первую очередь для дикторов японских СМИ, предписано, что [g] и [gʰ] в интервокальной позиции должны произноситься назализовано (как [ŋ] и [ŋʰ]). Из этого «правила» есть исключения: оно не касается онома-топозитических слов (например, *городоро* «гром, грохот», *городоросама* «гром (атмосф. явление)» в детской речи), а также – числительных, в состав которых входит морфема *го* со значением «пять» (например, *дзю:го* «пятнадцать»). Однако и это числительное, попадая в состав слов-идиом, произносится с назализацией [g]: *дзю:гоя* «полнолуние; ночь на 16-е августа» произносится как [dʒʰuŋjoja].

Однако приведенные примеры не дают однозначного ответа о фонемном статусе обсуждаемых звуков. В выделения [ŋ] ([ŋʰ]) отдельно мы не будем здесь для краткости обсуждать) в качестве самостоятельной фонемы говорит пример, приведенный В. М. Алпатовым в разделе, посвященном определению морфофо-нем в СЯЯ в коллективной монографии [14]. Этот автор считает, что *g* в *дзюго* [dʒʰuŋgo] «пятнадцать» и *ŋ* в *дзюго* [dʒʰuŋjo] «тыл» несут смыслоразличительную функцию, и поэтому не могут быть сведены к одной фонеме [2, 99]. Подобных примеров для *gʰ* и *ŋʰ* не приводится. Нам тоже пока не удалось обнаружить ни одной соответствующей «минимальной пары», хотя известно, что, скажем, в *усаги* [usaŋʰi] «заяц» по орфоэпическим нормам требуется назализация *g* в интервокальной позиции.

Нам трудно согласиться с двумя другими примерами В. М. Алпатова, приведенными в указанной выше работе: *фууга* [Fuuga] «фуга» и *фууга* [Fuuŋa] «изящество»; *коНго* [koŋgo] «Конго» и *коНго* [koŋŋo] «в будущем». Обращение к носителям языка и к соответствующим словарям свидетельствует о том, что в обоих случаях мы имеем дело с полными омонимами, так как они совпадают не только на сегментном уровне, включая назализацию /g/, но и на супraseгментном уровне – одинаковое акцентное оформление. Как будто бы [ŋ] (g – назализованный в позиции между гласными или после N) вряд ли обладает статусом полноправной фонемы.

Один из известных японских фонетистов Х. Киндайти посвятил обсуждению проблемы назализации /g/ большой раздел своей монографии [13]. С учетом того, что стандартным и более благозвучным произнесением /g/ в интервокальной позиции среди японской интеллигенции считается [ŋ], автор провел подробное обследование произношения токийских школьников (более 20 человек). В предложенном для прочтения списке слово *дзюуго* «пятнадцать» все информанты без исключения произносили без назализации [g]. Подсчеты Киндайти показали: 28% респондентов использовали назализованный [ŋ] при произнесении использованных автором слов-стимулов; 41.4% – «смешанное» произнесение (то [g], то [ŋ]) и 30% – устойчивое [g] [13, 188].

Х. Киндайти замечает, что случаи, в которых [g] и [ŋ] выполняют смысловозначительную функцию, крайне редки, и приходит к выводу о том, что оба эти звука постепенно утрачивают различия в произнесении молодых японцев, «объединяются» в один звук – [g] и представляют одну фонему /g/. При этом Х. Киндайти призывает даже к принятию мер по сохранению орфоэпической (традиционной) нормы стандартного литературного языка, имея ввиду назализацию [g] между гласными, несмотря на усиливающуюся тенденцию перехода [ŋ]→[g].

Нельзя забывать о том, что при присоединении гонорифического префикса *о-* к слову, начинающемуся с [g], то назализация не происходит даже при вокалическом окружении: *гэНки* «бодрость» – *о-гэНки* «(ваше) здоровье», *гири* «чувство долга» – *о-гири* «чувство долга вежл.».

В корнесложных словах встречается довольно много случаев, когда в указанном окружении не происходит назализации во втором корне: *сэкай* «мир»+*гиНкоо* «банк»= *сэкайгиНкоо* «всемирный банк», но есть и случаи, когда это явление происходит: *юки* «снег»+*куни* «страна»= *юкигунни* [yukiŋuni] «снежные районы страны, снежная страна»; *нама* «сырой, необработанный»+*комэ* «рис»= *намагомэ* [namaŋome] «сырой рис». Есть сложные слова-сцепления, в которых нормой допускаются оба варианта: *кёоикю* «образование»+*гакубу* «факультет»= *кёоикюгакубу* «педагогический факультет», *сэйкэй* «политэкономия»+*гакубу* «факультет»= *сэйкэйгакубу* «политико-экономический факультет». Существуют и корнесложные слова, в которых никогда не встречается, как, например, в слове-аббревиатуре *тёоги* «депутат районной администрации».

В иностранных заимствованиях *гайрайго* проявление назализации связывают как с исходной звуковой формой заимствованной лексемы, так и со временем заимствования. Отклонения от основного орфоэпического правила назализации [g]

в интервокальной позиции или после конечнослогового N довольно часты: *taNjo* «танго» (от *tango*), *jaNjuru* «джунгли» (от *jungle*), но – *chuuNigamu* «жевательная резинка» (от (*chewing*)*gum*) и *buNgaroo* «бунгало» (от *bungalow*). В других случаях нормой допускается двойное произношение: *kategorii* – *katenorii* «категория» (от *category*). Подробно эти явления рассматривает С. Сакураи [16, 36–40].

Подводя итог вышесказанному о назализации [ŋ], можно констатировать, что [ŋ] в большей степени соответствует по своему статусу аллофону /g/, а не самостоятельной фонеме. И все же, так как в некоторых случаях (даже пусть и редких) [ŋ] играет смысловоразличительную роль, то и ее с некоторой оговоркой можно считать нестабильной, исчезающей, своего рода «резервной» фонемой. Однако и по сей день произнесение назализованного [ŋ] (< [g]) в отмеченных выше случаях, отвечающих требованиям орфоэпии стандартного языка, признается «аристократическим» (традиционным) в отличие от «плебейского» (провинциального) [13, 177].

В приведенном выше описании консонантизма мы не коснулись еще нескольких согласных, в том числе специфических и «новых» для СЯЯ. Часть из них занимает промежуточное положение: акустически они ближе к гласным, а с артикуляционной точки зрения – к согласным. К ним могут быть отнесены звуки: [w], [Ф], [Ф'], [β], [β'], [r], [r'], [j], [ʔ]. Эти звуки репрезентируют соответствующие фонемы, являющиеся в ряде случаев инновационными и появившиеся или появляющиеся в результате недавних заимствований чаще из английского в его американском варианте. Для полноты картины приведем описание этих фонем ниже.

1. w – губная звонкая, артикуляция которой связана с меньшей работой губ, чем, скажем, в английском и других европейских языках. При произнесении японской [w] наблюдается меньшая огубленность (округленность губ), которая больше связана с сужением и растягиванием губ в стороны.

Дистрибуция [w] ограничена: встречается в основном перед гласным [a]. Редко наблюдается перед [o] ([kowo:gozaimasu] «страшно *вешл.*»), а в вулгаризмах и жаргонизмах встречается и перед [e] ([kowe:] «Страшно!»). Примеры заимствованы нами из монографии С. Каваками [12, 55].

Японские исследователи, сравнивая японский полугласный [w] с английским, указывают на большую краткость этого звука. И, считая этот звук кратким, близким даже к гласному [u], отмечают, что английское *swimming club* японцы произносят так, что на слух это воспринимается как нечто подобное [suim'ɪŋkɯrabu] (««сонный» клуб»).

2. Согласный [Ф] обычно характеризуется как спирантный глухой билабиальный. Его артикуляция отличается небольшим сближением губ при оставлении щели, что придает ему незначительный фриктивный характер. В собственно японском слое лексики после [Ф] встречается только гласный [u] (/u/). Расширение спектра сочетаемости [w] связано с включением в японский лексикон слов-заимствований, что позволяет считать этот звук полноправной самостоятельной фонемой. Появление [Ф'] в фонологической системе СЯЯ связано только с иностранными заимствованиями. Артикуляторно отличается только палатализацией.

3. Наиболее инновационный характер присущ двум звукам, связанным с недавними заимствованиями, произнесение которых вызывает сравнительно боль-

шие затруднения у природных носителей стандартного СЯЯ. Это [β] и [β']. Их пока нельзя считать фонемами. Многие японцы заменяют их на [w] или [b]: [βaioŋ'io] → [b(w)aioŋ'io] «скрипка» (от *violine*), [β'ioŋa] → [b'(w')ioŋa] «альт» (от *viola*). Оба спирантные звонкие, последний отличается от первого палатализацией. Как сказано выше, встречаются только в *гайрайго*.

4. Пара фонем /r/ – /r'/ относятся к списку традиционных японских фонем. Оба звука одноударные переднеязычные звонкие, отличающиеся как палатальный и непалатальный. Акустически часто соотносимы с [l] и [l'], что служит и признаком аристократического произношения (например, в речи императора). Когда японские дети картавят, то вместо этого звука используют [d]: [rad3'io] (от *radio*) «радио» → [dad3'io].

5. К традиционным фонемам относится и глайдовый звонкий переднепалатальный согласный [j].

6. Мы выделяем в числе японских фонем гортанную смычку – смычный ларингал [ʔ], который выделяется не всеми исследователями японской фонетики. Этот ларингал встречается в начале фонетических слов перед гласными, в середине слов между разнородными гласными, а также на стыках двух однородных (удвоенных) гласных.

Выше представлен обзор основных фонем и некоторых аллофонов согласных в СЯЯ. Наиболее подробный несколько отличный от нашего обзор был дан С. А. Старостиным, который насчитывает до 35 согласных фонем в СЯЯ и еще большое количество аллофонов [2, 70–74].

Для окончательного определения состава японских консонантных фонем нельзя не коснуться проблемы удвоенных согласных, которые некоторые авторы считают долгими.

Геминированность согласных акустически выражается увеличением длительности артикуляции соответствующих сегментов. Явление это широко представлено в японском языке. При его определении используются не только разные термины, но и формулируются отличающиеся друг от друга подходы. В отечественном японоведении одни исследователи вычленяют геминированные согласные фонемы как противопоставленные «одиночным».

Так, С. А. Старостин, определяя реализационные признаки согласных, в разделе «геминированность – негеминированность» писал: «Согласный является геминированным, если при его артикуляции преграда в полости рта задерживается. В японском языке имеются геминаты pp, bb, tt, dd, nn, ηη etc. В случае наличия у согласного признака аффрикатности, т. е. размыкания смычки через посредство узкой щели, геминируется первая часть артикуляции, т. е. смычка. Японские геминированные аффрикаты являются, таким образом, «геминированно-смычными»» [2, 58]. Однако этот же автор в табличном представлении системы согласных фонем японского языка геминаты не указывает [2, 68].

Ю. В. Козлов без какой-либо предварительной аргументации называет геминированные согласные «долгими» в противопоставление кратким [6, 13].

Н. А. Сыромятников выделял и «двойные согласные» и «долгие согласные». Этот автор считал «двойными, т. е. одинаковыми соседними согласными фонема-

ми, ...фонемы, разделяемые морфологической границей. В древнеяпонском языке такое явление полностью отсутствовало» [7, 299–300]. В дальнейшем геминация согласных стала проявляться в результате редукции узких гласных /i/ и /u/ между глухими согласными, а также в китайских заимствованиях, в которых «слог изменялся уже на японской почве в результате развития фонетического строя по внутренним законам развития языка» [7, 301]. Эти процессы происходили на стыках морфем как японских, так и китайского происхождения. Мы наблюдаем это и глагольных парадигмах: *ик-у* «идти, ехать» → *ит-та* «ушел, уехал». В последнем примере корневое *к* измелилось за счет регрессивной ассимиляции преобразуется в *т*. Удвоением может сопровождаться присоединение префиксов интенсивности действия: *нагуру* «бить, ударять» → *бун-нагуру* «избивать». Из этого видно, что СЯЯ характеризуется наличием **удвоенных согласных**.

«Долгие согласные» Н. А. Сыромятников определяет как явление, связанное с удлинением согласного. «Морфологическая граница в таком случае не проходит посередине долгого согласного, и мы не имеем никаких оснований делить его между двумя морфемами. Происхождение долгих в японском языке – эмфатическое. Существуют пары [m'ina] ‘все’ и [m'inna] ‘все-все’, [ama'ri] и [ammar'ri] ‘слишком’ ..., где смысл от удлинения не изменяется, а только как бы подчеркивается, усиливается» [7, 305].

«Долгие согласные» (в том числе звонкие) встречаются в современных словах-заимствованиях: *бэддо* «кровать» (от *bed*), *гуддзу* «товары» (от *goods*), *гуддо-уйру* «добрая воля» (от *goodwill*). Найти примеры с долгими звонкими согласными, в которых они встречались бы на границе морфем, практически невозможно. Исходя из этого, мы должны признать их и только их долгими.

Напомним, что писал Л. Р. Зиндер по поводу наличия/отсутствия долгих согласных в том или ином языке: «В решении этого вопроса, являющегося частным случаем общей проблемы членения потока речи, ведущее значение имеет **морфологический** критерий. Долгие согласные будут представлять одну фонему, а не сочетание фонем, в таких языках, в которых они встречаются только в пределах одной морфемы, где морфологическая граница никогда не проходит внутри долгого согласного. Это значит, что они никогда не выступают как две смысловые единицы, а потому они и неделимы с фонематической точки зрения» [5, 126].

Однако с учетом того, что такие согласные занимают небольшую периферийную зону в системе японского консонантизма, мы не включаем их в состав основных согласных фонем СЯЯ.

Итак, в результате нашего обзора и анализа согласных в японском языке с позиций Петербургской (Ленинградской) фонетической школы мы пришли к выделению следующих основных консонантных фонем:

1. Смычные: p, p', b, b', t, t', d, d', k, k', g, g', ? (гортанная смычка);
2. Щелевые (спиранты): Ф, Ф', s, s', ç, h;
3. Плавные (глайды): w, j;
4. Аффрикаты: ts, dz, tʃ', dʒ';
5. Назальные: m, m', n, n', ŋ (N);
6. Флэпы (одноударные): r, r'.

1. *Алпатов В. М.* Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.
2. *Алпатов В. М., Вардуль И. Ф., Старостин С. А.* Грамматика японского языка. Введение. Фонология. Супрафонология. Морфонология. М.: Издат. фирма «Восточная литература», 2000. 150 с.
3. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 276 с.
4. *Гумбольд В. фон.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; общ. ред. Г. В. Рамишвили; послеслов. А. В. Гулиги и В. А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001. 400 с.
5. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика: учеб. пособ. М.: Высшая школа, 1979. 312 с., ил.
6. *Козлов Ю. В.* Введение в фонетику японского языка: упражнения. СПб.: Филологич. Факультет СПбГУ, 2005. 26 с.
7. *Сыромятников Н. А.* Система фонем японского языка // Ученые записки Института Востоковедения. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. IV. С. 278–354.
8. *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнельсона. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
9. *Фельдман Н. И.* Японский язык. 2-е изд., стереот. М.: Едиториал УРСС, 2002. 92 с.

На японском языке:

10. *Аманума Я., О:цубо К.* и др. Нихонго-но онсэйгаку. Токио: Куросио-сюппан, 2007. 192 с.
11. *Исомура К. и др.* Онсэй-о осэйру. Токио: Хицудзи-сёбо, 2009. 172 с.
12. *Каваками С.* Нихонго онсэй гайсёцу. Толио: Кё:синся, 1977. 122 с.
13. *Киндаити Х.* Нихонго-онъин-но кэнкю:. Токио: То:кё:до:-сюппан, 1978. 564 с.
14. *Киндаити Х.* Кё:цу:го-но хацуон то акусэнтё // Хацуон-акусэнтё дзитэн. Кайсёцу. Токио: NHK ho:so:kyo:kai, 1974. 1094+134 с.
15. *Киндаити Х.* Нихонго. Токио: Иванами-сётэн, 1967. 224 с.
16. *Сакураи С.* Кё:цу:го-но хацуон-дэ тю:исубэки котогара // Хацуон-акусэнтё дзитэн. Кайсёцу. Токио: NHK ho:so:kyo:kai? 1974. 1096+134 с.
17. *Сирóта С.* Нихонго-но ото: Онсэйгаку то онъинрон. Токио: Хицудзи-сёбо:, 1993. 261 с.

На английском языке:

18. *Otaka H.* Phonetics and Phonology of Moras, Feet, and Geminate Consonants in Japanese. New York, Toronto, Plymouth: University Press of America, Inc., 2009. 320 p.

Статья поступила в редакцию 21.07.2010 г.